

УДК 1:316.4(47)

ББК 87.3(2)61-07

Александр Александрович Ермичёв

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского, доктор философских наук, профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики, главный редактор журнала «Русская философия», Россия, Санкт-Петербург, e-mail: 7723516@gmail.com

О «советской ориентации» у Н.А. Бердяева: уточнение понятия¹

Аннотация. В творчестве Н.А. Бердяева значительное место занимает его россиеведение и в этих пределах, исследование советской истории. Для характеристики общественно-политического поведения Н.А. Бердяева последних лет его жизни исследователи используют им же предложенное определение «советская ориентация», которую сам мыслитель понимал как момент в актуализации «русской идеи». Исследователи не всегда учитывают противоречивое содержание этого определения, подавая его как однозначно позитивное отношение к советской действительности. Возникновение самого понятия «советская ориентация» связано с различным пониманием патриотизма у Н.А. Бердяева и русского зарубежья и с их разными политическими позициями в Великую Отечественную войну и в послевоенное время. Однако признание Н.А. Бердяевым национального характера советской государственности сделало невозможным примирение его философии свободы с практикой советского тоталитаризма. Сама действительность вынудила философа к решительному отмежеванию от сталинского социализма, и в статье «Третий исход» он заявляет о своей принадлежности к христианскому социализму, религиозно-философское обоснование которого дано в учении В.С. Соловьева об истории как Богочеловеческом процессе. Отождествляя Советскую Россию и «Россию вечную», Н.А. Бердяев делает главным субъектом истории русский народ. В этом случае эпитет «советская» указывает не на политическое, а на национальное содержание «ориентации» Н.А. Бердяева.

Ключевые слова: идея «вечной России», советский социализм, христианский социализм, «третий исход»

Alexander Alexandrovich Ermichev

Russian Christian Academy of Humanities named after F.M. Dostoevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Religious Studies and Pedagogy, Editor-in-Chief of the journal “Russian Philosophy”, Russia, St. Petersburg, e-mail: 7723516@gmail.com

On N.A. Berdyaev's “Soviet Orientation”: Clarifying the Concept

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00748, <https://rscf.ru/project/24-28-00748/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00748, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00748/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky

Abstract. In N.A. Berdyaev's work, a significant place is occupied by his studies of Russian history and, within this framework, his research on Soviet history. To characterize N.A. Berdyaev's socio-political behavior in the last years of his life, researchers use the definition "Soviet orientation" that he himself proposed, which he understood as a moment in the actualization of the "Russian idea" that he was the herald of. However, researchers have not always taken into account the contradictory content of this definition, and it is presented as a clear and positive attitude of the philosopher towards Soviet reality. The emergence of the concept of "Soviet orientation" is associated with different understandings of patriotism by N.A. Berdyaev and the Russian diaspora, as well as with their different political positions during the Great Patriotic War and in the post-war period. However, N.A. Berdyaev's recognition of the national character of Soviet statehood made it impossible to reconcile his philosophy of freedom with the practices of Stalin's totalitarianism. The very reality of the situation compelled the philosopher to a decisive break with Stalinist socialism, and in his article "The Third Exodus" he declares his affiliation with Christian socialism, the religious-philosophical justification for which is provided in V.S. Solovyov's teaching on history as a God-human process. By identifying Soviet Russia with "eternal Russia", N.A. Berdyaev makes the Russian people the main subject of history. In this case, the epithet "Soviet" indicates not the political, but the national content of N.A. Berdyaev's "orientation".

Key words: the idea of "eternal Russia", Soviet socialism, Christian socialism, "the third exodus"

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.4.044-057

I

В творчестве Н.А. Бердяева значительное место занимает его россиеведение и в этих пределах, исследование советской истории. Наиболее полно они проанализированы в работах Л.А. Гаман². Настоящая публикация преследует цель уточнения параметров и содержания понятия «советская ориентация» Н.А. Бердяева, или «совпатриотический подъем», как оно было определено в книге о философе в серии ЖЗЛ³.

Исследователи, которые прикасаются к бердяевской советологии, как правило, полагают известную статью Н.А. Бердяева «О творческой свободе и фабрикации душ» (1946 г.) его решительной отповедью «ждановщине». Это не так. На самом деле статья является ярким примером очень терпеливого отношения Н.А. Бердяева к советской власти, которая продемонстрировала свое понимание свободы творчества постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград». Философ объяснял Оргбюро, что «факты гонения на свободу творчества только увеличивают вражду Запада к Советской России... История с Ахматовой и Зощенко, с утеснением кинематографа, театра, музыки превращается в антисоветскую пропаганду со стороны самих Советов, сеет внутреннюю рознь и дает оружие в руки врагов» [4, с. 293]. В этой статье философ и

² См.: Гаман Л.А. Историософия Н.А. Бердяева. Томск, 2003. С. 212 [1]; Гаман Л.А. Советская Россия: взгляд Н.А. Бердяева (некоторые аспекты проблемы) // Соловьевские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 92–108 [2].

³ См.: Волкогонова О.Д. Бердяев. М.: Молодая гвардия. 2010. С. 355–370 [3].

предложил формулу «советской ориентации», немало смущившей его парижских современников. Будем иметь в виду, что ориентация, возникшая у Н.А. Бердяева в победные месяцы 1944–1945 годов, сама была эпизодом бердяевского пореволюционеризма с его уверенностью в социальной правде «русского коммунизма». Данная в статье формула «советской ориентации» выглядит следующим образом: «Можно признавать смысл революции и сочувствовать результатам, можно верить, что Россия и русский народ призваны осуществить социальную правду в мире, можно стоять за самый принцип советского политического строя, можно защищать международную политику России в тяжелый момент ее существования – вместе с тем же не сочувствовать духовно-культурным результатам революции и видеть опасность в формировании рабьих душ. Я именно и стою на такой точке зрения и в этом смысле остаюсь верен так называемой советской ориентации» [4, с. 293]. Историософское, социально-культурное и даже политическое содержание формулы не составляет единственной модальности бердяевской ориентации. Она включала в себя простое сочувствие советским людям, боязнь «атомической» войны, надежду на гуманизацию советского общества и даже укоры и упреки советским руководителям, не умеющим отстаивать интересы страны.

Как относительно самостоятельный набор идей и принципов, «советская ориентация» была реакцией Н.А. Бердяева на позицию, занятую эмиграцией в отношении СССР в годы Второй мировой войны и его последующего военно-политического противостояния с миром капитализма⁴. Временные границы бердяевской послевоенной «советской ориентации» можно установить по тем выступлениям философа, которые обретали характер общественного события. Следуя этой установке, начало «ориентации» приходится на ноябрьскую 1944 года лекцию «Русская и германская идея», а ее завершение – на статью «Третий исход», написанную им незадолго до кончины, где «советская ориентация» получила свою окончательную определенность.

Сороковые годы XX века, когда бердяевская «советская ориентация» существовала в качестве обсуждаемого события русского зарубежья, философ считал временем «мирового кризиса». Философ мастерски показывал, как угасает созданная веками буржуазная цивилизация, а вера в разум обнаруживает свою беспомощность: «Века света затемняются», – писал Бердяев [4, с. 198]. По мысли Бердяева, внешняя универсализация жизни людей, достигнутая при помощи радио, газет, кино и авионов, сопровождается потерей внутренней целостности человека; сила побеждает дух; мир движется к варварству; никогда еще он не находился в таком состоянии вражды и страха: «Советская Россия и мир Запада, Европа и Америка боятся друг друга и враждуют»⁵, особенно враждебны России

⁴ Тогда никто не знал о плане военных действий под названием «Немыслимое» У. Черчилля и американском «Трояне» – плане атомной бомбардировки СССР.

⁵ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике откровения. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 310 [4].

«англо-саксонские страны». Во всем, что сегодня происходит в мире, Н.А. Бердяев видит большее – кризис гуманизма и кризис исторического христианства.

Положение советского коммунизма в мировом кризисе Н.А. Бердяев определяет как центральное. Он занимает место «посреди мучительной агонии умирающего мира и посреди не менее жестокой боли мира нарождающегося»⁶. Оглядка Н.А. Бердяева на срединное место коммунизма в мире, видение им Советской России как возможной точки роста к «новому миру», очертания которого остаются неопределенными, – вот первое, что видится в «ориентации» философа. Он думает, что «начинающийся исторический период будет в значительной степени стоять под знаком России»⁷, что наступает русский период всемирной истории. Идея эта у Бердяева появилась еще в сочинении «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.), где он полагал, что советский, он же – русский патриотизм «должен быть верой в великую и мировую миссию этого народа»⁸. В работе «Русская идея» (1946 г.) Бердяев бестрепетно напишет, что «messianic idea марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской messianic идеей»⁹. «Ориентация» философа не знает различий политического и национального, советского и русского. Незаметно для себя, а быть может, умышленно, Н.А. Бердяев использовал эти уровни как равнозначные, отождествляя их. Последнее поражало русскую эмиграцию больше всего. Она давно свыклась с бердяевским «русским коммунизмом» и тогда же с мыслью, что Советский Союз – это не Россия, но потакать просоветским настроениям было никак нельзя.

Противостояние СССР с миром капитализма во главе с США и Великобританией придавал особую напряженность эмигрантскому восприятию «ориентации» философа. Н.А. Бердяев занял сторону СССР. Абсолютное большинство русской эмиграции было на другой стороне. Оно считало позицию философа непростительной уступкой советскому тоталитаризму. Так судили все выдающиеся публицисты и мыслители русского зарубежья – М.В. Вишняк, Б.К. Зайцев, И.А. Ильин, М.М. Карпович, С.А. Левицкий, Н.П. Полторацкий, Ф.А. Степун, Г.П. Федотов, Д.А. Шаховской и, возможно, другие.

Идейное содержание «советской ориентации», которая была стратегией общественного поведения философа, позволяет говорить о ней как об общественно-практическом утверждении русской идеи. Уместно напомнить, что знаменитая книга «Русская идея», которую Н.А. Бердяев писал во время Великой Отечественной войны, вышла в свет в 1946 г., в самый разгар «советской ориентации» философа.

⁶ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 158.

⁷ Там же. С. 257.

⁸ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 120 [5].

⁹ См.: Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: «Азбука-Классика». 2012. С. 294 [6].

II

Исследования «русской идеи» Н.А. Бердяева хорошо известны читателю¹⁰. Философ видит в мире органическое единство личности, нации и человечества. Каждая из этих единиц онтологична, хотя их онтология своеобразно преломляется в экзистенциальном субъекте. Органичность мира говорит о его сотворенности, а следовательно, об идеях разных уровней его организации. Есть идея личности, и жизнь человека является ее обнаружением. Есть идея нации, например «русская идея», выражителем которой однажды почувствовал себя философ¹¹. «Мне свойственен органический универсализм, и он связан с моим персонализмом, – сообщал Бердяев о себе и добавлял – этот универсализм вполне соединен с патриотизмом и народностью» [7, с. 269].

У самого Н.А. Бердяева первый подход к «русской идеи» приходится на время его приезда в Петербург и близкого знакомства с кругом петербургских неохристиан, которое увенчалось книгой «Новое религиозное сознание и общественность» (1907 г.), с которой начинается путь Н.А. Бердяева как христианского мыслителя. В ней он говорил о народе как мистическом организме, реальном сверхчеловеческом единстве, определенном объективным разумом, Богом. С этого времени и до последних работ «русская идея» всегда была в поле его внимания.

В творческом пути философа исследователи особенно выделяют работу «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.), в которой Бердяев «национализировал», точнее, русифицировал марксистское социальное учение, утверждая, что именно большевистский коммунизм оказался внутренним моментом в «русской идеи», неотвратимой судьбой России. В книге 1946 года «Русская идея» Н.А. Бердяев, повторяя проблематику книги «Истоки и смысл русского коммунизма», более подробно рассказал, как «русская идея» проявила себя в напряженных социальных и религиозно-философских исканиях XIX века.

У самого мыслителя раз от разу складывается набор дополняющих друг друга характеристик «русской идеи», которые в конечном счете подтверждают эсхатологию его философии истории: русская идея – это идея Богочеловечества, братства народов, коммюнитарности, устремления к Граду Грядущему, а не к могущественному царству сегодня. В сборнике «На пороге новой эпохи» (1947 г.) философ выразил «русскую идею» следующим образом: «Русская идея … не есть идея создания культуры или цивилизации в западном смысле, а есть идея целостного преобразования жизни» [4, с. 313–314]. И пояснял: «Русскому народу в его исторической судьбе выпало на долю осуществить более справедливый и более

¹⁰ См., например: Полторацкий Н.П. Бердяев и Россия (философия истории России у Н.А. Бердяева); Барабанов Б.В. «Русская идея» в эсхатологической перспективе // Вопросы философии. 1990. № 8; Котельникова В.А. Русская идея как философская и историко-литературная тема // Русская литература, 1990. № 4; Плимак Е.Г. и Сабурова А.Г. «Русская идея» Н.А. Бердяева как наследие русской интеллигенции // Вопросы философии. 2006. № 9 и др.

¹¹ См.: Бердяева Л. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 198 [8].

человеческий социальный строй, чем тот, который существует на Западе. Он должен осуществлять братство людей и братство народов, такова русская идея» [4, с. 255]. Русская идея – это объективная данность русскому сознанию, которая получила свое выражение у его лучших представителей. Для русского человека ее восприятие становится долгом, обязательством участвовать в жизни народа, утверждать в ней правду и бороться с ложью: «Мы не должны фатально смотреть в будущее, оно всегда зависит и от человеческой свободы» [9, с. 263]. «Советофильская ориентация» Н.А. Бердяева, безусловно, является фактом его биографии, но общественную значимость (быть может, гипертрофированную) ей придали раздражительность и злоба антикоммунистических кругов русского зарубежья. Их чувства подпитывались событиями недавнего прошлого, как-то плавно перешедшего в настоящее.

С нападением Гитлера на Советский Союз антисоветская русская эмиграция оказалась перед выбором – стать на сторону своей родины, т.е. теперь чуждого ей СССР, или на сторону фашистской Германии. Как объяснял Н.П. Полторацкий, эмигранты, даже зная, что целью фашизма являлось порабощение и уничтожение русского народа, все же шли к нему на службу, веря, что, разгромив СССР, Гитлер свернет себе шею в войне с Англией и США. Тем большее огорчение охватило антисоветскую русскую эмиграцию, когда Красная Армия добивала Гитлера в Германии, генерал Леклерк освобождал Париж, а де Голль попустительствовал агентам советского КГБ. Оказалось, советский тоталитаризм, который Бердяев упорно зовет Россией, не только вышел в «мировую ширь» (выражение Бердяева), но и утверждается в Европе. Многие эмигранты сочли это смертельно опасным. Примечательно письмо Н. Берберовой: «С ужасом, который не скрываю, слежу за событиями в Чехии... На очереди будем мы и Италия. Только через поражение может прийти спасение. Только поражение не будет стыдно, всякая победа, как победа 1945 года, – позорна... Я жду войны, я жажду войны» [10, с. 406].

Такая эмиграция сразу же прильнула к Черчиллю и Трумэну и не потому, что они были демократами, а потому, что они были яростными антикоммунистами и антисоветчиками, вооруженными атомной бомбой. Этому зарубежью не было жаль русского советского народа: пусть он сдохнет в атомной войне. «Грядет неизбежная война, – сообщал один христианин из русского зарубежья другому, такому же христианину, – и скорая – в эти два–три года... Начнет (– вынудит), конечно, Совдепия. Демократии не способны на начало: их народы обмануты гипнозом миролюбия. Но “генералы” подготовили все, чтобы “дурак” народ мгновенно, как лань, взвился на дыбы. И сокрушающая техника молниеносно (атомная война и не может быть иной) раздавит Кремль. Народ его на этот раз эффектно покинет. И в будущем Нюрнберге его будут судить и вместе с патриархом Алексеем включительно» [11, с. 210]. Эти христиане из русского зарубежья и были готовы покарать СССР – не Россию – ядерной войной.

Позиция Н.А. Бердяева была иной. Начало его полной солидарности с Советской Россией приходится на день всех святых на Руси воссиявших, на

22 июня 1941 г., когда Гитлер двинулся на Восток. Бердяев писал: «Вторжение немцев на русскую землю потрясло глубины моего существа. Моя Россия подверглась смертельной опасности, она могла быть расчленена и порабощена... Опасность для России переживалась очень мучительно. Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной Армии. Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться, я считал их изменниками» [7, с. 335]. Когда обозначился закат Третьего рейха и оккупанты были изгнаны из Парижа, философ не скрывал своего восхищения мужеством советских людей, доблестью Красной Армии и ее полководцев. В ноябре 1944 г. в «Союзе русских патриотов» он читал доклад о «Русской и германской идее», противопоставленных в контексте текущей войны. Заметным событием в жизни зарубежья стала напечатанная им в просоветской газете «Русский патриот» 15 апреля 1945 г. статья с неуклюжим названием «Превращение национализма в интернационализм», в которой он прямо говорит о большевиках как о патриотах России, сумевших очень хорошо ее защищать, а тех, кто «в немецкой форме ездили на фронт или доносили немцам на своих соотечественников», прямо называет изменниками. Майскую победу 1945 года философ отметил торжественно, вывесив над домом в Кламаре красный флаг. В другой статье «Почему Запад не принимает Советской России?» (1945 г.), опубликованной в той же газете, автор пояснял, что советское общество – это бесклассовое общество, что-де в нем нет конфликтов между личностью и обществом, а также между обществом и государством и что, мол, ему не нужны правовые гарантии.

Просоветские выступления Н.А. Бердяева породили множество слухов: «вел разные переговоры с Богомоловым – кажется, считался у “них” своим... Эмигрантам брать советский паспорт советовал» и, как будто, сам его взял, «У него в Кламаре собиралось чуть не все просоветское тогдашнего Парижа: Якобы после выхода в свет «Русской идеи» Н.А. Бердяев был приглашен на празднование годовщины Октября, и кто-то из посольских приглашал его вести философский кружок. Он был «слишком с победителями» – с раздражением писал о философе Б.К. Зайцев, не забыв поставить слово «победитель» в кавычки [12, с. 80]. Зарубежье страшилось советского тоталитаризма и предпочитало западные демократии. На мыслителя обрушилась лавина упреков.

Различие позиций объясняется бердяевским пониманием патриотизма, о чем он писал: «... для русской эмиграции главный вопрос есть отношение к советской власти... Я считаю главным вопросом вопрос об отношении к русскому народу, к советскому народу, к революции как внутреннему моменту в судьбе русского народа» [7, с. 340]. В согласии со своим органицизмом он полагал, что жизнь страны, включая и работу государственных институтов, определяется жизнью народа, потому и отношение Советской России нужно определять не отношением к государственным институтам, а отношением к народу. Он писал об этом просто и ясно: «Отношение к русскому народу, к смыслу революции и исторической судьбе

народа не тождественно с отношением к советской власти, к власти государства» [7, с. 347]. Даже называя советскую власть «единственной русской национальной властью» и уточняя, добавлял: «никакой другой нет»¹², хотя он «не питал к ней никаких иллюзий», думая, что она делает «много дурного»¹³. В своем последнем, самом, казалось бы, советизанском сборнике «На пороге новой эпохи» (1947 г.) он называет Сталина «бесчеловечным тираном» и равно непримирим к диктатуре национал-социализма и коммунизма. Тогда же он смело говорил: «Готов защищать Советскую Россию как мою родину...» [9, с. 260].

III

Со всей определенностью можно указать на два истока «советской ориентации» мыслителя. Первым из них – его органицистский и персоналистский подход к социальному бытию, из чего следовало, что судьба народа была судьбой самого философа. Вторым источником стала его оценка Октября как народной революции, которая «актуализировала» «огромные потенциальные силы русского народа», а главный смысл Октября («скакоч через бездну» – так его называл философ), по мнению философа, заключался в том, что «первый раз во всемирной истории в основу социалистического строя огромной страны положен принцип, не допускающий эксплуатации человека человеком»¹⁴.

Н.А. Бердяев говорит о двух главных достижениях Октябрьской революции – о социальном единстве общества в Советской России и о новом положении культуры, которая стала доступной не только элите, но и всему народу¹⁵. Каждое из этих событий Н.А. Бердяев оценивает и как проявление непреложного закона истории, или «тайного смыкания прошлого и будущего», и как исполнение высоких требований «русской идеи». Тогда социально-политическое и социально-культурное содержание этих событий предстает как национальное, но и тогда же – универсальное.

Его оценка Октября высока чрезвычайно: «русскому народу в его исторической судьбе выпало на долю осуществить более справедливый и более человечный социальный строй чем тот, который существует на Западе»¹⁶. Бердяев

¹² См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 340.

¹³ Там же. С. 263.

¹⁴ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 258.

¹⁵ Быть может, для того чтобы примирить рядового «зарубежного» русского с Советами, он называет еще одно достижение – «самое лучшее в мире законодательство о собственности». Личная собственность признается в Советской России, но в форме, не допускающей эксплуатации человека. В оценке результатов Октября читатель заметит у Бердяева интересные оговорки: «Классов, в той форме, в какой они существуют в капиталистическом обществе, более нет, хотя возможно возникновение новых форм неравенства» [4, с. 264]. Когда философ высоко ценит демократизацию культуры, то сразу же подсказывает, что «в такого рода процессах качество культуры в начале всегда понижается», а подходящим примером к тому указывал на забытый в Советской России «серебряный век» русской культуры.

¹⁶ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 255.

писал: «Россия уже совершила то, к чему другие народы идут и должны идти: социальная революция в Европе неизбежна», «мир идет к социализму в той или иной форме», но при этом «должно желать, чтобы социальная революция... происходила наименее насильственным и кровавым путем». Наконец, Н.А. Бердяев полагает, что «... неприятие революции в ее основном смысле означает отрижение миссии России для мира» [4, с. 227–318]. Проложив путь к социальному переустройству всего мира, Россия подтверждает мнение А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского о русском как всечеловеке.

Столь же высоко философ ценит открытый Октябрем доступ народа к культуре: «... низшие социальные слои поднимаются в своем культурном уровне, народные массы получают образование, читают русскую литературу XIX века, ищут света и знания...» [4, с. 257]. Народный гений А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого обретает своего настоящего читателя. Даже когда он видит, что Россия индустриализируется, то есть «материализируется», даже когда он воображает, что в России состоится «новый тип цивилизации американского типа, с преобладанием техники и поглощенностью земными благами», он знает, что если этот процесс «происходит под знаком социализма» в стране, которая «живет духовным капиталом, приобретенным тысячелетним его христианским воспитанием», то и тогда «русский народ останется верен своей духовной природе»¹⁷.

Глядя из зарубежья, Н.А. Бердяев был внимателен к происходившему в СССР «выпрямлению линии исторического развития», «восстановлению русской истории»¹⁸. Он находил в этом действие гегелевской диалектики *тезиса–антитезиса–синтезиса*, и сам был настойчив в поисках того из прошлого, что или уже существует в Советской России, или может возвратиться в советскую жизнь. К этому философа обязывала самая первая посылка его «советологии» о том, что Октябрь актуализировал потенциальные возможности народа. Он находит, что реализованная революцией идея социализма имеет свое начало в общинном характере жизни русского крестьянина, а способность советского народа к героизму и жертвенности воспитана у него тысячелетием христианства. Он хочет «верить, что в России есть подземное, глубинное духовное течение», и видит, что «очень усиливается национальное чувство», что в сознании советских людей складывается настоящий культ выдающихся творцов русской истории и культуры¹⁹. Он одобряет, что в практику русского коммунизма вошли элементы славянофильства и «признаются заслуги православной церкви в русской истории», «в плане чисто внешнем восстанавливаются формы, чины, ордена...»²⁰. Даже советский тоталитаризм философ сближает с тоталитаризмом Московского царства, впрочем, указывая при этом на тотальность русского мировоззрения вообще. Сам философ очень ждет, чтобы вернулись ценности «серебряного

¹⁷ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 224–326.

¹⁸ Там же. С. 264.

¹⁹ Там же. С. 224–264.

²⁰ Там же. С. 264.

века» отечественной культуры. Он уверен, что «Россия и русский народ вернутся к своим вечным идеям»²¹.

Философ сопереживал нелегкой судьбе советских людей. Он видел, что «скакок через бездну» (то есть Октябрьская революция) был преждевременным. Он не был подготовлен развитием страны, и это приводило к «переломам иуве-чьям» в советской истории. «Сердце сочится кровью, когда я думаю о России... Есть что-то мучительное в русской судьбе», – размышлял он и, обращаясь к зарубежью, просил его относиться «с терпением к процессам, происходящим в советской России, и соглашаться на жертвы, чтобы разделить судьбу русского народа»²².

Сразу по окончании войны Н.А. Бердяев, как и многие советские люди, надеялся, что «после укрепления социального строя, которому уже не может грозить никакой серьезной опасности, в России будет провозглашена свобода духа, совести, мысли, слова»²³, и даже на то, что в ней будет найдена иная форма демократии, нежели та, что существует в буржуазном обществе. «Можно быть уверенным, – однажды заявил мыслитель, – что русский народ не вернется к капиталистическому строю» [4, с. 258].

Но в советской жизни было другое, о чем Н.А. Бердяев знал, о чем писал и что делало философа *субстанциально* (позволим себе такое определение) чуждым СССР. Здесь признавалась только одна свобода – разрешенная коммунистической партией и советским государством. То было свободой активно строить «светлое будущее» согласно их рекомендациям и быть при этом максимально активным. Такая свобода, справедливо полагал философ, «мало подходит для творчества культуры и духовной жизни»²⁴.

У Н.А. Бердяева была совершенно другая свобода. В ее понимании он шел от неповторимости индивидуальности в ее хрупком существовании в бесконечности пространства – времени мировой данности. Его свобода – это свобода духа, та, которая выделяет человека из мировой данности и которая одна только делает его подлинно независимым от чего бы то ни было. Философ мог понять необходимость экономической и даже – на время – политической несвободы, мог примириться с тем, что народ привыкает к несвободе и сам становится носителем несвободы, но ни на мгновение не мог допустить, чтобы кто-то ограничивал его свободу. Свобода – это основа основ философии Н.А. Бердяева, ее фундаментальный принцип, и он когда-то должен был «сработать» в отношении «советской ориентации». И он действительно сработал со всей возможной определенностью. Это произошло в конце жизни мыслителя.

²¹ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 258.

²² Там же. С. 265.

²³ Там же. С. 266.

²⁴ Там же. С. 267.

IV

Послевоенные годы были нелегкими для Н.А. Бердяева. Русская эмиграция, вчера еще послушная немецкой администрации, теперь приспособливалась к новой власти. Раздражало и другое. Союз русских патриотов «заявил о безоговорочном принятии советской власти и режима Советской России...»²⁵. В 1945 г. скончалась страдавшая от неизлечимой болезни жена философа Лидия Юдишовна. Советская ориентация Бердяева подвергалась ostrакизму со стороны зарубежья. Не дождавшись военного крушения большевизма, оно теперь вымешало свою злобу на Бердяеве. Вести, приходившие из СССР, тоже не радовали философа. «47 год был для меня годом мучения о России... я пережил тяжелое разочарование. После героической войны процессы, происходящие в Советской России, протекли не так, как можно было надеяться. Свобода не возросла, скорее, наоборот», – писал он [7, с. 346]. Казалось, советская власть и русское зарубежье вместе проверяли политico-культурную ориентацию Н.А. Бердяева на прочность.

Заключительным эпизодом «советской ориентации» философа стала его статья «Третий исход» (1949 г.), опубликованная спустя год после кончины Н.А. Бердяева в десятом номере журнала «Новое швейцарское обозрение». «Третий исход» был его предложением выхода из мирового кризиса – не на пути советского социализма и не на пути капитализма, а «третьим исходом» – на пути христианского социализма. Чтобы подступиться к нему, философ предлагал отказаться от поверхностного рационалистического сознания и принять религиозное, христианское сознание. Но то было не сознанием обветшавшего исторического христианства, которое вместе с европейским гуманизмом переживало жестокий кризис, а сознанием нового христианства, того, какое он сам принял его еще в начале XX века в Петербурге, в доме Мурузи, окунувшись в атмосферу русского духовного ренессанса, и которому он был верен всю жизнь. Его христианство – это осмысление бытия как Богочеловеческого процесса, это творческое содружество человека и Бога в мировой истории. В его христианстве «... нужен не уход от процессов в мире и гордое возвышение над ним, а вхождение в эти процессы, активное изживание судеб мира и человека при внутренней свободе от этих процессов, недопущение рабства миру, преодоление понимания христианства как религии личного спасения и понимание христианства как социального и космического преображения» [14, с. 231]. Понимая, что вопрос о причине мирового кризиса – это «не вопрос политики или экономики, но нравственности и духовности»²⁶, то есть вопрос религиозный, Н.А. Бердяев предлагает принять его в «неохристианском» решении – признав творческие способности человека соравными Богу и, поселив Бога в своем сердце, быть во всем христианином. Н.А. Бердяев адресует правду нового христианства каждому из

²⁵ См.: Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С. 340.

²⁶ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 158.

нас, кто вместе с другими людьми составляет мир: «духовная жизнь охватывает не только «Я», но и «МЫ»²⁷, а когда «есть морально-духовная правда, то она должна иметь и свое социально-историческое проявление»²⁸. Таковым проявлением, по соображениям Н.А. Бердяева, мог бы стать особый общественный порядок – «синдикальный, не допускающий чрезмерного расширения государства...»²⁹. Его социализм – это продукт свободного нравственного выбора человека, это этический социализм, который марксист Н.А. Бердяев начала XIX века проповедовал в своей книге о субъективизме и индивидуализме в общественной философии. Политическая позиции, занятая им еще в Вологодской ссылке, проявилось в 1948 г. Философ обозначил преимущество своего социализма перед советским коммунизмом с помощью служебной части речи «не»: его социализм *не* связан с определенным мировоззрением, *не* предполагает социального насилия и *не* связан с принципом колlettivизма, он «*не* считает все средства дозволенными для осуществления своих целей. Не предполагает достичь социалистического общества, расстреляв и посадив в концентрационные лагеря большое количество людей»³⁰. Впервые в «советской ориентации» в «Третьем исходе» прямо сказано, что особенность советского социализма заключается в его несвободе: «То является истиной, что в России нет никакой свободы» [15, с. 72].

Б.П. Вышеславцев³¹, который в годы войны прислуживал немцам и властителям, а теперь считал себя приверженцем «американо-европейского патриотизма», истолковал отмежевание Н.А. Бердяева от сталинского коммунизма как «последнее движение мыслителя назад к свободе», имея в виду политические нормы буржуазного либерально-демократического общества. «Третьего, – или капитализм или сталинский коммунизм – не дано», – убеждает Б.П. Вышеславцев и без колебаний советует Н.А. Бердяеву оставить нелепые предложения «третьего исхода» и просто примкнуть к миру христианской культуры вместе с ее ценностями, прежде всего с ценностью свободной личности и либерального правового государства» [13, с. 78–79].

Оппонент не захотел заметить, как в своей последней статье Н.А. Бердяев высоко ставит опыт Советской России: «русский народ первый сделал социальный опыт, необычайный по смелости, и поставил новую тему для всего мира. Пусть он иногда ошибается, но это лучше, чем ничего не делать и остаться в самодовольстве» [14, с. 75], как он критичен в отношении буржуазного мира и

²⁷ См.: Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. С. 234.

²⁸ Там же. С. 218.

²⁹ См.: Бердяев Н.А. Третий исход // Соловьевские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 72 [15].

³⁰ Там же.

³¹ Б.П. Вышеславцев был давним знакомым Н.А. Бердяева. Вместе они редактировали знаменитый религиозно-философский журнал «Путь» (1925–1940 гг.). В «Самопознании» Н.А. Бердяев ни разу не назвал его имени. Как замечает один из современников, он в 1949 г. отсиживался в Швейцарии, опасаясь возвращаться во Францию и предстать перед французским судом из-за своего коллаборационизма. В том же номере «Обозрения» Б.П. Вышеславцев отвечает Н.А. Бердяеву статьей «Никакого третьего пути нет».

ожидает прихода «европейской социалистической федерации народов».

На самом деле категорическое отмежевание философа от сталинского коммунизма следует рассматривать в двух отношениях. Во-первых, как еще одно подтверждение его философии свободы: у него даже Бог не может посягнуть на свободу человека, даже «власть святых», а не какое-нибудь Оргбюро ЦК ВКП(б). Во-вторых, оно было уточнением содержания его «советской ориентации». Здесь прилагательное «советская» означает, что русский народ сейчас проживает в государстве, обозначенном аббревиатурой СССР и потому является советским народом. Возврат к свободе (последнее движение мыслителя назад к свободе), как думал Б.П. Вышеславцев (не был отказом его от «советской ориентации», а, напротив, был обретением полноты ее содержания).

Русское зарубежье, сосредоточив внимание на политическом аспекте «советской ориентации», априорно отвергло ее главную проблему – непрерывности русской и советской истории.

Образом жизни принужденная к либерально-демократическому космополитизму эмиграция называла Н.А. Бердяева глашатаем советского провинциализма, а его позицию – национализмом. Такие характеристики в отношении Н.А. Бердяева по меньшей мере абсурдны.

Список литературы

1. Гаман Л.А. Историософия Н.А. Бердяева. Томск, 2003. С. 212.
2. Гаман Л.А. Советская Россия: взгляд Н.А. Бердяева (некоторые аспекты проблемы) // Соловьевские исследования. 2014. Вып. 2(42). С. 92–108.
3. Волкогонова О.Д. Бердяев. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 355–370.
4. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н.А. Истина и откровение. Пролегомены к критике откровения. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 156–349.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
6. Бердяев Н.А. Русская идея. СПб.: Азбука-Классика, 2012. 320 с.
7. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 446 с.
8. Бердяева Л. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 198.
9. Бердяев Н.А. «В четвертом измерении пространства...». Письма Н.А. Бердяева к кн. И.П. Романовой. 1931–1947 // Минувшее: Исторический альманах, 16. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. С. 209–264.
10. Письмо Н.Н. Берберовой Г.П. Федотову от 28 февраля 1948 г. // Федотов Г.П. Собр. соч. в 12 т. Т. 12. Письма Г.П. Федотова и письма различных людей к нему. Документы. М.: Изд-во «Тэтис паблишн», 2008. С. 403–407.
11. Колеров М.А. Введение в идеиную историю русской эмиграции. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. 416 с.
12. Зайцев Б.К. Бердяев // Н.А. Бердяев: pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб.: Изд-во РХГИ, 1994. С. 77–81.
13. Вышеславцев Б.П. Никакого третьего пути нет. Ответ на политическое завещание Бердяева // Соловьевские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 76–80.
14. Бердяев Н.А. Из записной тетради Н.А. Бердяева // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. Кн. 85. С. 231–241.
15. Бердяев Н.А. Третий исход // Соловьевские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 68–76.

References

(Sources)

Collected Works

1. Pis'mo N.N. Berberovoy G.P. Fedotovu ot 28 fevralya 1948 g. [Letter from N.N. Berberova to G.P. Fedotov, dated February 28, 1948], in Fedotov, G.P. *Sobranie sochineniy v 12 t., t. 12. Pis'ma G.P. Fedotova i pis'ma razlichnykh lyudey k nemu. Dokumenty* [Collected Works in 12 vols., vol. 12. Letters from G.P. Fedotov and Letters from various people to him. Documents]. Moscow: Izdatel'stvo «Tetis publishn», 2008, pp. 403–407.

Individual Works

2. Berdyaev, N.A. *Na poroge novoy epokhi* [On the Threshold of a New Era], in Berdyaev, N.A. *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike otkroveniya* [Truth and Revelation. Prolegomena to the Critique of Revelation]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 1996, pp. 156–349.
3. Berdyaev, N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka, 1990. 224 p.
4. Berdyaev, N.A. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Saint-Petersburg: Azbuka-Klassika, 2012. 320 p.
5. Berdyaev, N.A. *Samopoznanie. Opyt filosofskoy avtobiografii* [Self-Knowledge. Experience of Philosophical Autobiography]. Moscow: Kniga, 1991. 446 p.
6. Berdyaeva, L. *Professiya: zhena filosofa* [Profession: wife of a philosopher]. Moscow: Mолодая гвардия, 2002, p. 198.

(Articles from Scientific Journal)

7. Berdyaev, N.A. *Iz zapisnoy tetradi N.A. Berdyaeva* [From N.A. Berdyaev's Notebook], in *Novyj zhurnal*. New York, 1966, book 85, pp. 231–241.
8. Berdyaev, N.A. *Tretiy iskhod* [The Third Outcome], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2025, issue 1(85), pp. 68–76.
9. Gaman, L.A. *Sovetskaya Rossiya: vzglyad N.A. Berdyaeva (nekotorye aspekty problemy)* [Soviet Russia: N.A. Berdyaev's View (Some Aspects of the Problem)], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2014, issue 2(42), pp. 92–108.
10. Vysheslavtsev, B.P. *Nikakogo tret'ego puti net. Otvet na politicheskoe zaveshchanie Berdyaeva* [There is No Third Way. Response to Berdyaev's Political Testament], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2025, issue 1(85), pp. 76–80.

(Articles from Proceedings Collections of Research Papers)

11. Berdyaev, N.A. «V chetvertom izmerenii prostranstva...». Pis'ma N.A. Berdyaeva k kn. I.P. Romanovoy. 1931–1947 [“In the Fourth Dimension of Space...”]. Letters of N.A. Berdyaev to Princess I.P. Romanova. 1931–1947], in *Minuvshee: Istoricheskiy al'manakh, 16* [The Past. Historical Almanac, 16]. Moscow; Saint-Petersburg: Atheneum; Feniks, 1994, pp. 209–264.
12. Zaytsev, B.K. Berdyaev, in *N.A. Berdyaev: pro et contra. Anthology. Book 1*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI, 1994, pp. 77–81.

(Monographs)

13. Gaman, L.A. N.A. *Istoriosofiya N.A. Berdyaeva* [Berdyaev's Historiosophy]. Tomsk, 2003, p. 212.
14. Kolerov, M.A. *Vvedenie v ideynuyu istoriju russkoy emigratsii* [Introduction to the Ideological History of the Russian Emigration]. Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU im. I. Kanta, 2024. 416 p.
15. Volkogonova, O.D. *Berdyaev*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2010, pp. 355–370.